

**К проблеме изучения постоянной повинности:
взаимоотношения городского общества, полиции и полковой
канцелярии в первой четверти XIX в. (на примере
г. Новая Ладога Санкт-Петербургской губернии)**³²

Аннотация. В центре статьи анализ взаимоотношений дум и всего городского общества с полицией (городничим) и с полковыми канцеляриями полков, прибывавшими в город на постой. На примере г. Новая Ладога в 1800-х – 1820-х гг. (документы думы о регулировании постоя) рассмотрены: 1) отношения между думой и полком (централизованное предоставление полку «квартир»; выполнение строительных работ; поставки припасов); 2) механизмы возможного разрешения спорных ситуаций между частными лицами – купцами и мещанами – и офицерами полка при размещении на постой; 3) роль полицмейстера в регулировании отношений между городским обществом и полковым командованием. Анализ показывает, что роль дум была велика: их возможности отстаивать интересы городского общества в первой четверти XIX в. в ряде городов росли; регулирование постоя со стороны полицмейстера помогало, но он чаще занимал позицию полка и дворян города, а противоречия с думой разрешало вмешательство губернатора.

Ключевые слова: уездный город; городская дума; полиция; городничий; постоянная повинность; полковая канцелярия; бараки; снабжение

**On the problem of studying billeting duty:
the relationships of urban community, police, and regiment offices
in the first quarter of the XIX century (on the example
of the town Novaya Ladoga of St. Petersburg province)**

Abstract. The article focuses on the analysis of the relationship of the дума and the entire urban society with the police (mayor) and with the regimental offices of infantry and cavalry regiments that arrived in the city to stand. Using

³¹ Михаил Александрович Белан – DPhil in History, кандидат исторических наук, Научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) / HSE University (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: mikhailbelan@mail.ru

Mikhail A. Belan – DPhil in History, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), St. Petersburg (St. Petersburg, Russia).

³² Исследование осуществлено в рамках проекта «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – начала XVII в.: человек и малый город» программы «Зеркальные лаборатории» Центра исторических исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург и Центра археологических исследований Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ).

the example of the city of Novaya Ladoga in the 1800s – 1820s (documents of the Duma on the regulation of standing), the article outlines: 1) relations between the Duma and the regiment (centralized supplies of buildings, materials, construction work and supplies to the regiment; 2) mechanisms for possible resolution of disputes between individuals, merchants and burghers, and by officers and soldiers of the regiment when stationed; 3) the role of the police chief in regulating relations between the city society and the regimental authorities. The analysis shows that the role of the Duma was great, and could grow during the first quarter of the 19th century; the police chief also helped to regulate billeting, but he often sided with the regimental office and local nobles, which to conflict situations often demanded the intervention of the governor.

Keywords: District town; Town council (*duma*); Urban police; Chief of Police (*gorodnichii*); Billeting duty; Regimental office; Barracks; Supplies

Введение. Многие аспекты такой темы, как размещение регулярных войск (офицеров, нижних чинов, полкового хозяйства) в городах, особенно для XVIII – начала XIX вв., остаются малоисследованными. Проблема организации постоя многогранна: вопросы взаимоотношений военных с муниципальным самоуправлением – думами и магистратами – и городским обществом (купцы и мещане), а также с городской полицией остается для этого раннего периода малоизученной. Ряд аспектов, связанных с постоем в городе, освещены для второй половины XIX в., в отношении же дореформенных десятилетий проблема постоя поднималась лишь в отношении Москвы, Санкт-Петербурга и нескольких крупных городов [7; 10]. В последние годы внимание исследователей привлек важный переход в начале XIX в. к строительству барачков и иных сооружений для нужд армии в городе [30]. Цель данной работы – осветить на примере г. Новая Ладога в 1800–1825 гг., как официальные установления реализовывались на местах, как выглядели конкретные практики взаимодействия в рамках уездного города: между думой, купцами, мещанами, городской полицией (полицмейстером), канцелярией пехотных и конных полков, офицерами, прибывавшими на постой.

Данный анализ не претендует на охват многих аспектов постоя; но через рассмотрение сложных вопросов регулирования постоянной повинности «на местах» можно лучше понять механизмы функционирования общества уездного города, его отношений с полицией и военными. Первая задача – рассмотреть характер отношения думы с полковыми канцеляриями (командиром полка), оценить диапазон возможных действий городского самоуправления. Вторая – описать возможные сценарии урегулирования вопросов, касающихся постоя,

между купцами, мещанами и военными (офицерами). Третья — оценить роль полицмейстера в регулировании поста между думой, городскими общинами, с одной стороны, и военными — с другой — очертив позиции и роль дум и полиции.

Объект настоящего исследования — комплекс дел из архива Новоладожской городской думы (ЦГИА СПб) за 1800-е — 1820-е гг., посвящённых разным аспектам поста в разные годы. Предмет изучения — диалог, регулирование поста между думой и горожанами, полицией и военными, механизмы разрешения различных споров.

В первом разделе статьи на примере взаимоотношений с канцелярией Тенинского полка дан обзор обязанностей думы и всего городского общества перед полком. Во втором разделе рассмотрены случаи переговоров и разрешения сложных ситуаций между частными лицами и офицерами. В третьем дан анализ спорных отношений думы и полицмейстера в сложной ситуации, возникшей в 1823—1824 гг.

Новоладожская дума и Тенгинская полковая канцелярия в 1800-х гг.: постой, строительство военных зданий и снабжение полка

В 1802—1807 гг. канцелярию расквартированного в Новой Ладогe Тенгинского пехотного полка в переписке с думой занимали вопросы: 1) предоставления помещений для полкового лазарета, конюшен и т.д.; 2) строительства помещений для них, когда стало очевидно, что размещение их в частных домах невозможно и нежелательно; и 3) ежемесячное обеспечение полка припасами.

В апреле 1803 г. командир полка генерал-майор князь Щербатов при поддержке полицмейстера обратился к думе с просьбой выстроить два новых флигеля с деревянными полами (так как «из-за отсутствия мощения полковые повозки гниют в грязи и сырости») и несколько зданий — прежде всего, для размещения полкового лазарета. Городской голова, купец Шаров, отвечал, что в настоящий момент полк — как чины полка, так и имуществ (склады, конюшни, повозки, лазарет, мастерские) — размещены по «частным домам жителей», что имеет ряд неудобств [17, л. 4]; но дума не сможет строить лазарет или любое иное здание специально для полка, если только губернатор не разрешит такое строительство. Шаров отмечал, что в последний раз здания строили для военных Суздальского полка, и дума получила компенсацию за строительство; но это было в 1770-х гг. и те деревянные здания «ныне полностью обветшали» [17, л. 3—3 об.].

Помещения под лазарет были необходимы полку больше, чем другие. Еще в январе 1803 г. Щербатов и городничий Унковский со-

обшили думе, что число заболевших солдат, размещенных по частным домам, растет. По их мнению, нужно было выделить «больше квартир для больных в близлежащих домах», то есть предоставить под лазарет больше домов купцов и мещан [17, л. 8].

Однако дума отказалась выделить лазарету новые квартиры в частных домах, чтобы разместить еще около 60 больных, как требовал полк. 80 больных уже были размещены у купцов и мещан, и дума сослалась на правила, которые запрещали ей предпринимать какие-либо действия, которые могли бы нанести ущерб городскому обществу [17, л. 4–5]. Тогда командир полка направил в думу просьбу построить новое «прочное здание в удобном месте и недалеко от домов, где размещены солдаты полка» под лазарет [17, л. 9–10], что устроило бы всех.

Дума и глава Шаров написали гражданскому губернатору (далее – губернатору) об этой ситуации: офицеры, лазарет, две роты солдат, полковые мастерские и конюшни размещены по частным домам, обременяя жителей – мещан, у которых дома «почти все маленькие и состоят из одних покоев». Дума также писала, что обеспокоена состоянием полкового лазарета, поскольку в домах местных жителей находится до 80 больных солдат, многие из которых страдают от «разных болезней» (особенно тяжело было купцу Базарову: у него разместили 30 больных [17, л. 8]). К тому же, добавляла дума, семьи купцов и мещан вынуждены платить ежемесячные поставки для полка («дрова, свечи, бумага»).

Дума в переписке с губернатором ссылалась на устав 1797 г.: постой по возможности должен ограничиваться общественными зданиями [17, л. 4–5]. Дума не хотела выделять больше квартир для лазарета, но и не могла позволить себе построить новый лазарет и другие здания для полка. Дума предложила губернатору передать полку небольшое здание госпиталя команды Ладожского канала, почти пустое (маленькая команда «едва ли нуждалась» в нем). Также дума просила губернатору оказать денежную поддержку: купцам и мещанам было трудно платить взносы на ежемесячные поставки полку [17, л. 16–16 об.].

Губернатор С. Кушников не санкционировал выделение госпиталя канала полку [17, л. 15], но поддержал другие просьбы думы: полк должен быть в состоянии закупать все необходимые ему ежемесячные припасы, поскольку, согласно правилам 1802 г., полки теперь получали необходимые на это деньги из казны, и канцелярия Тенгинского полка уже получила деньги на этот год. Губернатор подчеркнул, что императору хорошо известно, что многие начальники полков игнорировали

постановление 1802 г. и по-прежнему требовали поставок от дум и городских общин вперед, платя им за поставки с задержкой или уклоняясь от оплаты вовсе (речь о декрете Императора от 12.02.1802 и приказе министра внутренних дел от 6.12.1802 [17, л. 6, 16]). Губернатор заверил думу, что город получит компенсацию за ежемесячные поставки и дал понять, что дума обязана выполнять только законные требования командира полка. В августе 1803 г. губернатор сообщил думе, что если жители так обременены постоем людей и служб полка, то ей стоит рассмотреть строительство новых зданий, требуемых полком (лазарета, конюшен, мастерских, складов), выбрав вместе с канцелярией полка наилучшее место и приняв во внимание, что новый военный квартал «не должен влиять на согласованный план города». Губернатор предоставил думе решать, строить ли здания или продолжать размещение полка «по квартирам».

Члены думы не стали возражать против возведения зданий для полка. Дума организовала собрания обществ, решивших, что «хотя строительство будет тяжелым бременем», лучше выстроить здания на удалении от домовладений людей, нежели продолжать размещать полк и его хозяйство по домам. Очевидно, дума, горожане, военные — все понимали плюсы размещения солдат, лазарета, лошадей, мастерских и складов в специально отведенной для этого части города.

В центре строительных планов думы, полка и губернатора был финансовый вопрос: как оплачивать строительство (материалы, рабочую силу). Обсуждение было долгим, но в итоге было достигнуто соглашение. Дума предложила губернатору выстроить необходимые здания, а после получить за них деньги. Но, видимо, канцелярия полка не хотела оплачивать строительные работы, по крайней мере, в полном объеме. Тогда дума предложила губернатору, чтобы деньги поступили от жителей той части уезда, которые свободны от постоя, живут разбросанно и «для коих выплата этих сумм не была бы для них большим бременем» [17, л. 4—4 об.] (вероятно, имелись в виду жители уезда; многие деревни не несли постоянной повинности). Дума просила губернатора одобрить эту идею, а если случится так, что губернатор не сможет ее одобрить, то просила обратиться за одобрением к министру внутренних дел. Городничий Унковский также написал губернатору, поддержав идею о том, чтобы деньги поступили из уезда [20, л. 17—18 об.]. Губернатор, видимо, поддержал этот план: 19 сентября 1803 г. он предписал думе разработать проекты и произвести расчеты, выслав ему смету на строительные работы (лазарет, конюшни, склады) и указав, какой объем работ дума могла бы покрыть из своих средств, «дабы

знать, какую сумму просить у предводителя дворянства Новоладожского уезда» [17, л. 18–19 об.].

В итоге командир полка князь Щербатов (а затем полковник Ершов) пошли навстречу: полк и город строили здания совместно. Первым возвели новое здание лазарета «с баней»: полк прислал 12 мастеров из рядовых – плотников, слесарей и др., а дума поставила материалы (1 000 бревен) [20, л. 3–6 об.]. После лазарета так же совместно строили пекарню, конюшни, сарай под повозки, мастерские. Строительство шло долго и было завершено в 1806–1807 гг.

Регулирование отношений между частными лицами и военными в городе

Размещение людей и полкового имущества становилось предметом споров и с отдельными семьями купцов и мещан. Так, летом 1804 г. владельцы пекарен в Новой Ладоге жаловались думе на то, что из-за того, что Тенгинский полк собрался к городу на летние маневры (роты были рассредоточены по деревням), 15 пекарен «все время обременены выпечкой хлеба для полка», терпя убытки («не могут выпекать хлеб и свободно продавать его жителям города»). Дума и полковая канцелярия договорились решить проблему, построив пекарню «рядом с военными зданиями», где будет выпекаться весь хлеб для полка [20, л. 8.].

Несколько интересных дел связаны со спорами купцов и мещан Новой Ладоги, которые проживали в ближайших деревнях уезда. Большая община мещан и купцов проживала в 10 километрах в с. Старая Ладога. В октябре 1816 г. в думу поступила жалоба зажиточного мещанина Петра Михайлова Ананьина: капитан Лейб-гвардии Кирасирского полка занял его постоялый двор в Старой Ладоге, который был «его единственным доходом и приносил 500 рублей в год». Капитан поставил здесь 30 лошадей и, к отчаянию владельца, хотел перестроить весь постоялый двор в конюшню. Ананьин сообщил думе, что в Старой Ладоге есть около 20 мещанских дворов, которые вовсе не несут постоянной повинности.

Вскоре поступила еще одна, коллективная жалоба от мещанских семей Старой Ладоги, составленная мещанином Калязиным [23, л. 1–2 об.]. Мещане жаловались, что два взвода кирасир разместили в их домах, которые являются их единственным источником дохода, и таким образом они находятся «в отчаянном положении» [23, л. 6–7 об.]. Мещане писали, что должны быть освобождены от обязанности содержать всадников, так как эту обязанность должны нести только жители уезда, а не семьи мещан из сельской местности,

которые «должным образом уплачивают все городские налоги и повинности города Новая Ладога». Дума приняла решение в их пользу: мещане уезда должны участвовать только в регулярном сборе города на содержание полка. Дума направила губернатору письмо: мещане Старой Ладоги — это часть общины города Новая Ладога и, следовательно, они не должны нести постоянную повинность как крестьяне. Мещане в уезде жили «в собственных домах на принадлежащей им земле»; в одном месте, отдельно от крестьян; кроме того, эти семьи зарабатывали себе на жизнь «городскими промыслами», а не сельским хозяйством, и «не пользовались никакими преимуществами уездных жителей и поэтому не должны нести тягот постоя» [23, л. 10—10 об.]. Но и полк обратился с письмом к губернатору, считая занятие дворов мещан в уезде законными. После долгих попыток думы убедить губернатора, в июле 1817 г. он отклонил жалобы Ананьина и мещан Старой Ладоги, постановив, что они должны нести обязанность по постоею наравне с жителями уезда [23, л. 11—13 об.]. В 1818 г. таким же образом отклонили жалобу новолодожских мещан из деревни Креницы (ближний пригород Новой Ладоги) [22, л. 3—5 об.]. Подобные споры о статусе семей мещан и купцов, проживавших в сельской местности, встречались часто: например, в архиве Гдовской думы хранятся жалобы, касающихся обязанностей и прав семей города, проживавших и владевших землей и домами в д. Кобылье Городище в 50 километрах от Гдова.

**Дума или полицмейстер:
размещение полка в Новой Ладоге (1823—1824 гг.)**

В начале 1820-х гг. в Новолодожском уезде стоял один из двух Лейб-гвардии Кирасирских полков: штаб полка, офицеры, лазарет, конюшни, склады, мастерские и иные службы полка разместили в Новой Ладоге. Расквартирование в городе было организовано в обычном порядке. Офицеры и рядовой состав были размещены в «покоях», принадлежащих семьям преимущественно из мещанской общины. Городская квартирная комиссия назначала семьи. Эта часть постоянной обязанности была наиболее обременительна; семьи, которые могли себе это позволить, для размещения офицеров и солдат часто возводили на своем дворе отдельные строения. Семьи купцов и зажиточных мещан, вместо того чтобы пускать кирасиров в свои дома, могли заплатить сбор на постой: эти деньги, собираемые каждый год, использовались думой для поддержания полкового лазарета, покупки припасов — свечей, дров, бумаги для кирасир и т. п. [24, л. 6.]. Но и взносы на постой были обременительны: к 1823 г. они составили 4000 руб. в год.

К тому же общины собирали 5000 руб. на полицию и 1000 на пожарные инструменты. Как сообщала дума губернатору в мае 1823 г., большинство семей купцов и мещан были крайне обременены размещением на постой или сбором денег.

В начале 1823 г. в город прибыл еще один эскадрон. Дума в апреле обратилась к квартирной комиссии города, попросив предоставить реестры всех частных зданий в городе. Получив списки, дума установила, что 54 дома в городе принадлежали дворянским и разночинским семьям: семьям отставных офицеров младших званий, вдов и т.д. (все-го несколько домов принадлежало лицам в звании майора и выше). Большинство же из 54 владельцев были разночинцами: секретарями, писарями местных учреждений (13–14 ранга), отставными солдатами и унтер-офицерами, солдатскими женами и вдовами (вдовы часто сдавали покои в наем). Дума постановила, что эти владения нужно обязать нести постоянную повинность (размещением или деньгами) наравне с купцами и мещанами, сославшись на императорский указ от 1797 г., регулирующий квартирную повинность в Москве, который напрямую не подразумевал, что дворяне и разночинцы свободны от постоя (свободными от него были только священнослужители) [24, л. 4–4 об.].

Дворянские и разночинские семьи не пожелали ни предоставлять покои, ни участвовать в раскладке. В начале мая 1823 г. дума обратилась к губернатору с просьбой утвердить решение о распространении постоя на 54 домохозяйства. Губернатор через некоторое время одобрил решение думы, и в сентябре 1823 г. соответствующий указ был направлен в думу [24, л. 6–7]. В указе говорилось, что «дабы не обременять жителей города», думе было разрешено распространить повинность на все дворянские и разночинские семьи, которые обязаны или предоставлять кирасирам жилье, или участвовать в сборе «на постой, полковой лазарет, кузницы, мастерские и все, что было нужно для полка» [24, л. 14–16].

Получив одобрение губернатора, 15 октября дума поручила полицмейстеру и постоянной комиссии приступить к распределению постоянной повинности на 54 новых дома. Но канцелярия полка вскоре проинформировала думу о том, что начальник полиции (а также дворянский депутат комиссии) не стали распределять кавалеристов новоприбывшего эскадрона в эти 54 дома [24, л. 18–19]. Канцелярия приложила думе копию ответа полицмейстера Лукьяненко, которого дума также проинформировала об указе губернатора Санкт-Петербурга, утверждающем решение думы. Однако же полицмейстер пресекал все попытки разместить кирасиров в каком-либо из новых домов, отказы-

вался собирать деньги с этих владений. Обосновывая свою позицию, Лукьяненко в свою очередь ссылаясь на «Правила квартирных комиссий» 1808 г., где ничего не говорилось о постоянной повинности применительно к дворянским и разночинским семьям.

И дума, ссылаясь на одобрение губернатора, и Лукьяненко, выступая от лица дворян и разночинцев, продолжали отстаивать свои позиции. В октябре 1823 г. полицмейстер вновь отказался разместить новый эскадрон в свободные от постоя дома и отказал в сборе денег (к этому времени дума требовала по крайней мере сбора постоянных денег с дворян и разночинцев). Вместо этого он направил эскадрон на постоя в мещанские дворы, где уже стояли кирасиры.

В своем ответе полку и думе полицмейстер изложил часть своих доводов. Во-первых, не существовало указов или эдиктов, обязывающих дворянские и разночинские семьи принимать участие в постое жильем или деньгами. Далее, многие из этих 54 домохозяев работали в учреждениях за «жалование и сами жили в этих домах» (и не сдавали покои внаем); другие же дома принадлежали вдовам офицеров и солдат или дворянам, которые получали доходы от поместий в уезде, не являясь городскими жителями. Таким образом, многие из этих 54 семей не могли позволить себе приять постояльцев или платить деньги — или же не должны были выполнять эту обязанность (Лукьяненко также упомянул и другие причины, например, что несколько домов «стояли не на городской земле, а на земле Правления Ладожского канала») [24, л. 19–20 об.]. В этой связи, по-видимому, одним из наиболее важных аргументов было то, что обязанность по размещению на постой должна распространяться только на семьи, «занятые мещанским промыслом» — ремеслами, мелкой торговлей, разного рода работой (то есть род занятий выступал для полицмейстера важной чертой, разделявшей тех, кто должен был предоставлять покои, платить сборы — и кто не должен был).

Однако дума, ссылаясь и дальше на одобрение губернатора, продолжала требовать от полицмейстера распространить постой на владения дворян и разночинцев. 19 октября 1823 г. Лукьяненко сам явился в думу с докладом, вновь отказав в удовлетворении просьб; во время его визита — согласно жалобе думы губернатору — «дважды в присутствии зеркала Императора он громко ругался и произносил самые злые слова, а также с издевательствами, угрозами и выговорами клялся, что никогда не допустит солдат в дома дворян города и не будет собирать с этих домов деньги» [24, л. 21–22]. В итоге в следующем 1824 г. губернатор подержал многочисленные протесты Лукьяненко, отменив свое позволе-

ние думе включить в постоянную повинность все дворы города. Важно, что схожие споры об «уравнивании» обязанностей в эти годы встречались и в других городах; в частности, в Шлиссельбурге незадолго до описываемых событий (25 октября 1823 г. дума Новой Ладogi обратилась к губернатору, приводя в пример «примерный город Шлиссельбург», который «ввел постоянную повинность для всех и все семьи штаб- и обер-офицеров, владеющие недвижимостью в городе, теперь несут воинскую повинность наравне с простыми людьми, справедливо и в равных долях» [24, л. 21–24]; к сожалению, архивы Шлиссельбургской думы и магистрата, за исключением нескольких лет, сохранились плохо).

Заключение. Показательно, что дума Новой Ладogi в 1823–1824 гг. кроме распространения постоя на всех обывателей хотела ввести и равную систему городского налогообложения. В своем первом письме губернатору, в мае 1823 г., дума просила утвердить также введение единого поземельного налога, который взимался бы со всех владельцев недвижимости в зависимости от стоимости их имущества. Этот сбор заменил бы вышеуказанные обременительные сборы на постоя, полицию и пожарные инструменты, облегчив положение купцов и мещан. Дума предложила обложить налогом и имущество, принадлежащее церкви в городе. Из сохранившихся источников трудно понять, как хотели организовать взимание земельного налога; несмотря на апелляцию к таким примерам, как Шлиссельбург, просьбу Новоладожской думы о реформе городских сборов губернатор отклонил сразу.

Рассмотренные случаи — три типа взаимодействий при исполнении постоянной повинности — показывают, что в действующем законодательстве действительно отсутствовала окончательная ясность в отношении правил организации постоянной повинности в городах, на что ссылались все стороны (дума, командование полка, полицмейстер) в ходе затянутых споров. В основе взаимодействия при размещении военных, строительстве зданий, сборе денег на постоя лежало повседневное взаимодействие дум с полковой канцелярией и городской полицией, что позволяло решить «на местах» многие сложные вопросы с размещением людей, хозяйства полка, финансированием строительства и сбором денег. Важная роль отводилась губернатору — арбитру в сложных ситуациях. Данная статья показывает важность дальнейшего изучения нюансов организации постоя в городах и в уезде, в том числе с оценкой региональной специфики; а ряд вопросов, такие как переход к строительству барачков и военных зданий в начале XIX в., перспективно сравнить с тенденциями в развитии постоянной повинности и в других странах Европы в этот период [30].

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
3. *Белусов С.В.* Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
5. *Горновский И.А.* Сто лет назад. Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
6. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.
7. *Ланин В.В.* Реформа постоянной повинности в ряду преобразований эпохи Александра II / *Ланин В.В.* (ред.), Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбе реформы, реформы в судьба людей, сб. статей. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 175–194.
8. *Ланина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2008. 626 с.
9. Отечественная война и русское общество: 1812–1912 / под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 5. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. 236 с.
10. *Плешаков И.Н.*, Саратовская квартирная комиссия (1808–1872). К истории постоянной повинности в России // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения. С. 59–67.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (ПСЗ–1). Т. 29. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1372 с.
12. ПСЗ–1. Т. 32. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1109 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 907.
14. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.
15. *Спиридонова Л.М.* Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 685. Новоладожская дума. Оп. 1. Д. 117.
17. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 156.
18. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 158.
19. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 159.
20. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 190.
21. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 337.
22. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 435.
23. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 604.

24. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 926.
25. *Belan M.* The impact of military duties in the early 19th century on urban commoners in Russia: recruit and militia levies and billeting in the communes of St. Petersburg province, D.Phil. thesis. Oxford, 2023. 355 p.
26. *Brewer J.* The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. N.Y: Alfred A. Knopf, 1989. 289 p.
27. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // *Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850)* / editors: J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.
28. *Hartley J.M.* Veterans and empire: a comparison of British and Russian treatment of veterans in the late eighteenth and early nineteenth centuries // *Journal of the Society for Army Historical Research*, Vol. 100 (2022). P. 14–31.
29. *Hittle J.M.* The service city: state and townsmen in Russia, 1600–1800. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. 309 p.
30. *Princi V.* Militarised Cities? Housing and Garrisoning the French Empire's Troops in the Napoleonic Kingdom of Italy. D.Phil. thesis. Oxford, 2020. 268 p.
31. *Speier H.* Class Structure and Total War // *American Sociological Review*. 1939. Vol. IV. No 3. P. 370–380.